

книге Пантагрюэля» (гл. XIII) приписал ее Гермесу Трисмегисту. Она встречается у Пьера Рамю, Пьера Шаррона, Джордано Бруно и у многих других авторов всех веков. Вольтер будет утверждать, что она происходит от Тимея из Локр\*\*\*, но Паскаль мог ее прочесть в десятке различных произведений. Ее истинным источником является малозначительный средневековый апокриф — псев-

догерметический трактат «Книга XXIV философов» («Liber XXIV philosophorum»).

Совершенно простое Единство есть то, что оно есть: «*omne simplex esse suum, et id quod est, unum habet*»\*\*\*\*; оно не может быть субъектом чего-либо, но является чистой формой. Поскольку Бог, который и есть эта форма, является причиной всего, то с полным правом говорится, что все получает свое бытие от формы: «*Cum Deus forma dicatur, quia omnia informat, et omnibus esse donat, recte omne esse a forma esse dicitur*»\*\*\*\*\*. В этом смысле Бог есть бытие всего, что существует, ибо Он — его причина, но нет ничего, что было бы бытием Бога, так как нет чего-либо, от чего бы Он происходил. Божественная форма «наиформальнейшая» («*formalissime*»): будучи формой всего, она ни из чего не образуется. Опираясь на эти принципы, Алан скрупулезно разворачивает языковые правила, которые нужно соблюдать, рассуждая о Боге, а затем дает определения Божественного всемогущества—в этой связи он затрагивает важный вопрос о знании, если все реальное возможно: «Правила священной теологии» («*Regulae de sacra theologia*», LX), определения отношений возможных в будущем случайностей и Провидения, а также являющейся их результатом необходимости, природы естественного блага, добра и зла, совершенного по воле; последнее приводит его к проблемам греха, благодати, Христа и таинств. В заключение Алан формулирует десять правил причинности и устанавливает, в каком виде каждое из них применимо в теологии, в философии и в обеих науках. Последнее из этих правил (гл. CXXV) гласит, что есть одна причина — единство, утверждение которой содержится в утверждении любой другой причины: «*haec causa est unitas; omnem enim proprietatem unitas comitatur*»\* \*\*\*\*\*. Высказывание, что Сократ есть человек на основании «человечности», эквивалентно высказыванию, что он есть один из того единства, которое сопровождает «человечность»; сказать, что он белый, — значит приписать ему,

## Глава V. Философия в XII веке

238

помимо прочего, единство, присущее белизне. То же самое относится к прочим свойствам субъекта за исключением, возможно, его индивидуальности, которая с полным основанием единственна. Таким образом, Алан выдерживает свой аксиоматический стиль от начала до конца трактата. Там содержалась также идея о некоей возможной теологии, сведенной к абстрактным формулам и развиваемой путем последовательного соединения строго выведенных друг из друга положений. И Бозций и «Книга о причинах» служили хорошим источником вдохновения для этого метода, но вскоре пришел Аристотель и внушил Алану другой метод, более гибкий и свободный, который должен был в конце концов увлечь его.

Впрочем, своей славой Алан Лилльский обязан двум другим произведениям совершенно иного характера — «Против Клавдия-на» («*Anticlaudianus*») и «Плач природы» («*De planctu naturae*»). В начале некоей поэмы, носящей название «Руфин», поэт Клавдиан собирает все пороки с целью показать извращенность префекта Руфина и убедить в его ущербности. В своей собственной поэме Алан, наоборот, предполагает, что Природа желает увидеть, как рождается совершенный человек, и собирает все науки и все